

14 июня 1995 года в Будёновске начался один из самых чудовищных терактов России

ГОТОВИЛСЯ ШТУРМ, ОТРАБАТЫВАЛИ НА ШКОЛЕ-ДУБЛЁРЕ, НО СЛУЧИЛСЯ ВЗРЫВ

Это был первый крупный террористический акт в истории постсоветской России. Террористы численностью 195 человек возглавляемые Шамилем Басаевым, совершили нападение на российский город Будёновск (Ставропольский край). Они согнали более 1600 мирных жителей в городскую больницу и взяли их в заложники. Тех, кто не соглашался идти, расстреливали. Ситуация длилась с 14 по 19 июня...

Первомайском еще месяц ночью во сне отдавал команды, а сейчас в «красном углу» подразделения напротив икон — фотографии погибших, «наш небесный отряд», говорят живые.

В составе спецподразделения «Альфа» он был в Афганистане, в Чечне, руководил отделами группы «А» при освобождении заложников в Буденновске, Первомайском, на Дубровке. Сейчас Сергей Андреевич — вице-президент ассоциации ветеранов спецподразделения «Альфа». Испытания, через которые он прошел, спасая жизни в самых страшных терактах новейшей российской истории, проложили ему дорогу в Церковь.

Я первым говорил с Басаевым

— **Захват заложников в Буденновске — первый крупный террористический акт в истории России. Может быть, поэтому силовики были не готовы и, по мнению многих, провалили штурм?**

— В том, что касается организации антитеррористических операций, Буденновск стал пограничной полосой. Мы сформировали стратегию и тактику, скорректировали учебный процесс, обеспечили подразделение специальной техникой. Основную задачу тогда мы выполнили — освободили заложников. Но решить вопрос до конца, уничтожить террористов не смогли, так как все зависело от решения властей.

С одной стороны, президент Борис Ельцин дал команду всех боевиков уничтожить. С другой — расстреливать больницу было невозможно, мы

Ветеран спецподразделения «Альфа» — о главных уроках Буденновска и Беслана

Полковник Сергей Поляков — о крупнейших терактах в истории России, Боге, обретенном под стенами больницы в Буденновске, и искуплении за убийство врага.

Первый крупный теракт в современной России — захват больницы в Буденновске. «Тогда я понял, что без помощи свыше мы не остались бы живы», — говорит полковник Сергей Поляков. Именно под стенами больницы, захваченной террористами, с беременными женщинами в окнах как щитами, он обрел веру. После операции в

об этом говорили сразу. Когда решался вопрос штурма, мы даже подготовили примерный анализ. По нашим расчетам, мы потеряли бы 75% личного состава и 50% заложников. В операции принимали участие наши ветераны, участники штурма дворца Амина в Кабуле. Даже они говорили, что по плотности огня в Буденновске было что-то невероятное. Вооружения у басаевцев было на целый батальон. Если бы не было

помощи свыше, уже на первом этапе мы потеряли бы большую часть своих людей.

— А ваша роль в операции какая была? Что чувствовали?

— Я был начальником отдела. С точки зрения ответственности рядовому бойцу проще, а на руководителя ложится тяжесть принятия решения. Тем более речь идет о жизни и смерти твоих подчиненных.

Спецподразделение — это семья. Равносильно тому, что ты в бой посылаешь своего сына или своего близкого друга. Важно рассчитать так, чтобы никто из сослуживцев не погиб.

Бандиты разместили около 600 заложников вокруг автомобильной цистерны с топливом, которую угрожали взорвать в случае попытки освобождения. Затем были взяты в заложники ещё около 650 больных и 450 работников Будёновской центральной районной больницы, все захваченные в городе заложники были сопровождены колонной в здания больничного комплекса города, где удерживались с 14 по 19 июня 1995 года. Всего по пути в больницу бандиты убили более 100 человек.

— Есть понимание сейчас, что было сделано не так?

— Когда мы прибыли в Буденновск, в городе царили паника и хаос. Темно, где-то слышны автоматные очереди. Физически чувствовалось состояние страшного и непонятного. На автобусе нас доставили к управлению внутренних дел. С одной стороны лежат убитые милиционеры, с другой — убитые террористы. Что, как делать?

Ближе к обеду прилетели министр внутренних дел Виктор Ерин и директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин. А мы тогда входили в Главное управление охраны Президента. Получается, ни к МВД, ни к ФСК мы отношения не имели. Дали команду снять сотрудников МВД с оцепления, чтобы они потом зачистили город, и силами нашего подразделения оцепить больницу. Это было не совсем правильное решение. Если есть распоряжение президента уничтожить боевиков, то мы должны были все силы бросить на подготовку и проведение операции, как это было в «Норд-Осте», в Беслане. Мы по большому счету не до конца понимали, что это не штурм, это бой в городе. Значит, наступающая сторона должна быть в 3-5 раз больше, а нас и боевиков было примерно одинаковое количество.

— А в глаза террористу вы когда-нибудь смотрели? Вообще пытались понять, что это за люди? Вот, например, Шамиль Басаев. Он приказал беременных женщин не трогать, говорил с журналистами,

и все вышли живые. Что это было — игра на публику?

— Боевики в разных ситуациях по-разному действуют, особенно когда их поджигают, как это случилось с Басаевым. Так получилось, что первый контакт по телефону с ним был у меня. Мне сотрудник докладывает: «Сергей Андреевич, там звонок, просят кого-то из штаба подойти» А переговорщики из главного штаба еще не прибыли. Я подошел, представился полковником Петровым. Попытался поговорить:

**Фото: Штурм больницы
в Буденновске**

«Ты офицер, я офицер. При чем здесь дети, роженицы?» На что он мне ответил: «Вы убивали наших детей в Чечне, теперь я хочу посмотреть, как вы будете убивать своих детей». Чтобы он смягчился, такого не было.

Только после первого этапа штурма Басаев почувствовал, что конец близок, и начал торговаться жизнями заложников. Премьер-министр

Черномырдин ему дал гарантию, что его банда, прикрываясь добровольцами, журналистами и

частью заложников, уедет в Чечню. А если бы их все-таки блокировали в ходе движения и уничтожили, я уверен, не было бы ни Первомайского, ни «Норд-Оста», ни Беслана.

Хотя еще раньше можно было сделать что-то серьезнее и эффективнее, чем Хасавюртовские соглашения, когда просто нас на колени поставили. По большому счету на тот момент бандформирования были загнаны в горы. Они уже думали, как бы сохранить лицо и закончить кампанию. В этот момент их выпускают, дают вооружиться, создать центр международного терроризма. Солдаты удачи, иностранные спецслужбы — кто туда только не приехал.

— В Беслане вы не были, но с ситуацией знакомы. Опять же считается, что по школе стреляли наши, начался пожар, обвалилась крыша, взрывы. Из-за этого погибли заложники, большая часть. Вопрос, который и сегодня мучает матерей Беслана: возможно ли было по-другому?

— Это был не наш взрыв. Террористы перемудрили — поставили взрывное устройство на кнопку. Они нас предупредили, что, если будет попытка снайперской атаки или штурм, они взорвут всех заложников.

Готовился штурм, отрабатывали его на школе-дублере, но случился взрыв, видимо, террориста отвлекло что-то, и пришлось работать по обстоятельствам. Как такового штурма и не было. Были бои в школе. Ценой своей жизни наши ребята спасали детей, родителей.

В Беслане были матерые террористы. Они извлекли уроки из «Норд-Оста» и других операций, в которых проиграли. Если в Советском Союзе сложным казалось, когда у террориста в руках пистолет и, не дай Бог, автомат, то в современной России задача усложнилась на несколько

порядков: в тех же Минводах в автобусе с заложниками стоит террорист, вооруженный до зубов, обмотанный взрывчаткой и еще с гранатой в руках.

— *Получается, в таких операциях бойцам ставится задача в первую очередь уничтожить террористов и только потом уже думать о жизни заложников?*

— Со дня создания подразделения у нас была азбучная истина: самая важная задача — это спасти заложников. В отличие от западных служб, где им нужно закончить операцию любой ценой, у нас другая идеология.

Буденновск и Беслан нас еще больше укрепил в том, что в первую очередь надо спасать людей. Вторая задача — спасти боевых товарищей. И третья задача — спасти жизнь террористу. Нас так учили. Но уже в новейшей истории задача стоит по-другому. О жизни террориста можно думать, только если он не является угрозой для жизни других.

Я видел воинов, которые каялись со слезами

— *К Богу вы пришли благодаря или вопреки ужасам, пережитым в горячих точках и спецоперациях?*

— Вера — это дар Божий. Бывает, что дети вроде бы всю жизнь в Церкви, а вырастают и становятся ульяновыми. Так что душа-христианка у меня была всегда. Но времена были богоборческие, особенно у нас в Сибири. Всех священников расстреляли, в округе ни одного храма. Нас крестила бабушка. Есть такое понятие — малое погружение. Даже простой христианин может покрестить в особых случаях.

А боевая ситуация только укрепила во мне веру в Бога. В Буденновске я понял, что без помощи свыше мы не остались бы живы и не выполнили бы боевую задачу.

Фото: ЕРА

Три первых человека, которые попали в этот огневой мешок, как они могли остаться живы? Один залег за кучу щебня, там пуль потом было больше, чем щебня. Другой спрятался за дерево, его ранило, но все листья, все ветки были изрешечены. Если бы не было помощи Божьей, основная масса наших ребят там легла бы.

— *Вообще может ли спецназовец быть атеистом?*

— Как говорят, в окопе атеистов не бывает. Сейчас приходит больше верующих ребят, чем было в наше время. Мы проводим миссионерскую деятельность, показываем на личном примере. В подразделении есть православный уголок, где можно помолиться. Так получилось, не специально, но очень символично, что напротив икон — фотографии наших погибших ребят. Наш небесный отряд. Перед каждой длительной командировкой мы служим молебен, привозим икону Божьей Матери «Умягчение злых сердец», ребята к ней прикладываются. Это чудотворная

икона. Когда в нашей стране происходили тяжелые события — «Норд-Ост», Беслан, «Курск» — она кровоточила.

— *Вера военных, военное православие особенное. Имперское, самодержавное, в нем нет тихой радости Христа, интимности, там рубашки рвут и грозятся всех порвать, и туда же Бог. Это как?*

— Есть такое. Но как бы ты ни хорохорился, если ты православный человек, ты понимаешь, что без помощи Творца ты бы не стал ни полковником, ни героем, никем. Господу неважно, полковник ты или нет. Вера уравнивает всех и по полу, и по профессии.

Я видел воинов, которые каялись, исповедовались со слезами и воплями.

Да, вера помогает человеку быть мужественным, совершить мгновенный шаг, который тебя делает героем. Но истинно верующий человек, военный он или кто еще, понимает, что Господь в другом.

— *Вы видели столько смерти, видели, как убивают невинных, женщин, детей. А спрашивали себя: где был Бог, когда это происходило? Вообще война и Бог — как это возможно вместе?*

— Глубоко воцерковленный человек понимает, что есть Божий Промысл. Почему 40 Севастийских мучеников, Георгий Победоносец, Димитрий Солунский погибли за Христа?..

— *А убить врага, террориста, например — это грех? В этом нужно каяться?*

— Как говорил митрополит Московский Филарет: «Люби врага своего, бей врага Отечества и гнушайся врага Божьего». Убить врага на войне не грех, но самое страшное испытание в жизни человека.

В царской России была традиция: когда человек вернулся с войны, его определенное время не допускали к причастию.

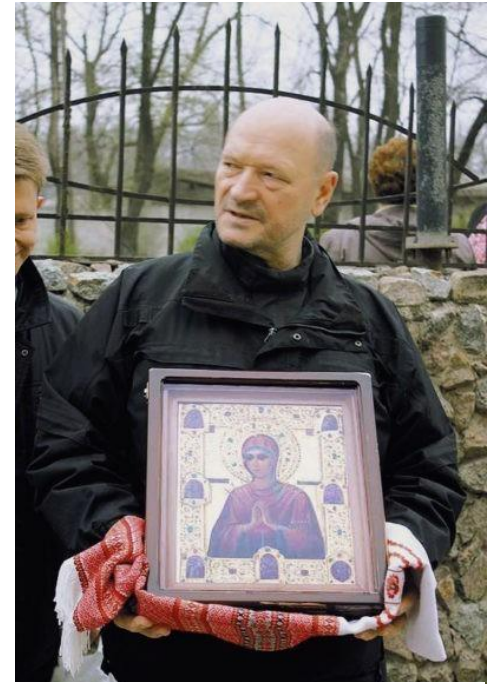
Происходит деформация, меняется что-то внутри, потому что человек рожден для любви, для созидания, а вместо этого он убил.

— *А вы исповедовались в этом?*

— Господь не дал мне пройти через самое страшное испытание. В то же время я к этому был готов. В Афганистане были перестрелки на дальние расстояния. После я сам как руководитель ставил задачи по уничтожению террористов.

Поэтому я к этому мог быть причастен. Я каялся, но я защищал Отечество.

Я знал, что там враг, враг беспощадный, что потом он будет убивать наших матерей, наших детей. Но для души бесследно это не проходит, даже если ты прав.

Полковник Сергей Поляков — с чудотворной иконой «Умягчение злых сердец». Фото: спецназ.ru

— С уходом на пенсию война в голове заканчивается? В фильмах вот показывают, что людям снятся бои, снятся погибшие товарищи.

— После операции в Первомайском я в течение месяца ночью воевал во сне, команды отдавал как наяву. Супруга моя постоянно меня успокаивала. Но когда человек молится, глубоко исповедуется, принимает причастие, Господь это состояние приглушает и со временем убирает. А когда без Бога, один на один остаешься, то тяжело. Господь ведь таким образом призывает к Себе: «Иди, Я тебе помогу, ты же не убийца, ты воин, ты защитник»

У русского человека есть три матери

— Начинали вы как советский солдат, а на пенсию вышли российским офицером. Получается, Родина изменилась. А внутри вас что-то изменилось в то время?

— Родина не изменилась, Родина стала еще ближе, так как мы вернулись к истокам святой Руси. Вместе с тем, как бы ни пытались замылить все хорошее, что было в Советском Союзе, оно в нас осталось. Мы уступаем место в вагоне, помогаем людям, живем ради людей. Столкнуться с тем, что ты дал присягу, и на твоих глазах Родина рушится, — это тяжело. Мы почувствовали самую толику того, что чувствовали белые офицеры. Без Божьей помощи человеку пережить это невозможно. Слава Богу, что мы этот период быстро прошли.

— Сражаются и умирают за Родину. Это очень широкое понятие. Для вас за ним конкретно что стояло и стоит?

— Все начинается с малой Родины. Героями же не рождаются, героями становятся. Можно взять пример Жени Родионова — русского солдата-пограничника, который отказался снять крест 23 мая 1996 года, в день своего 19-летия и в день Вознесения Господня. Ему за это отрубили голову. Основу для будущего героического поступка заложила в нем бабушка, которая водила его в храм, несмотря на то что родители были неверующие.

У меня так же: бабушка Арина, которая одна в войну подняла 9 детей и крестила нас, бабушка Параскева, которая потеряла на войне мужа и всю свою жизнь посвятила нам, внукам. Мама работала дояркой, в пять утра уходила, в 11 вечера приходила, в месяц был один выходной.

Потом школа, которая была пропитана любовью к Родине, к окружающим. Как говорится, у русского человека есть три матери: мама, которая родила, мама — Родина и мама — Пресвятая Богородица. Вот то, за что мы сражаемся...

Беседовала Наталья Костарнова. Печатается в сокращении.

Источник: Интернет-портал «Православие и мир».

<https://wwwpravmir.ru/gotovilsya-shturm-otrabatyivali-na-shkole-dublere-no-sluchilsya-vzryiv/>

Фото: <https://pantv.livejournal.com/2044883.html>

На сцене, у микрофона - полковник Сергей Поляков